

Вся эта неразбериха в поместье Мин каким-то образом стала способом распространения имени Сяо Фэн У, повысила его репутацию и принесла довольно много бизнеса обычно молчаливому Хуэй Чуньтану; за несколько дней он получил доход, который обычно составлял полгода.

После того как Сяо Фэн У отправил последнего пациента, он свернул свои иглы обратно в мешочек и сказал Цянь Лань-чжуну:

"Раз уж у нас есть доход, наполни аптечку, а то там все зарастает плесенью".

Для него бедный или богатый человек не был фактором, влияющим на то, осмотрят пациента или нет; все зависело от того, хочет он сам этого или нет. Если травма была слишком тяжелой или просто не для глаз, он отбрасывал их всех к Цянь Лань-чжуну, так как сам он не годился на роль врача. У него были навыки, но не отношение. Если бы ему не нужны были деньги на жизнь, он бы даже не стал проводить консультации.

Цянь Лань-чжун откинулся на спинку кресла-качалки, раскачиваясь взад-вперед и покуривая трубку в руке. На его лице было много морщин, а в глазах мелькало выражение погони за старыми воспоминаниями, когда он сказал тоном, выдававшим его преклонный возраст,

"Воистину, всегда нужно бояться этих молодых людей. Ты сильнее своего деда, так как он в твои годы не имел большой репутации. Когда ты позже откроешь аптеку, его имя будет привлекать клиентов отовсюду".

Сяо Фэн У продолжал размазывать лекарство, говоря при этом:

"Открою аптеку. Когда накоплю достаточно денег, я не буду лекарем".

Услышав это, Цянь Лань-жун сразу же поднялся со стула, но по какой-то причине медленно опустился обратно, громко стуча трубкой, очевидно, немного взволнованный,

"Молодой человек, при всех ваших способностях, не растрачивайте их попусту. Разве не хорошо спасти кого-то?"

Сяо Фэн У насыпал лекарственный порошок в бутылочки и ответил с неохотой:

"Это слишком мерзко. Кровь пузырится, густеет и течет, ничего из того, что я даже не хочу видеть. Если рана на теле, то все в порядке, но если на ногах, неужели мне придется засовывать свой нос в вонючую ногу?"

Затем он засунул бутылку в рукав и вышел.

Цянь Лань-жун несколько раз вздохнул, но потом, увидев, как Де Гуй тщательно взвешивает

лекарства на прилавке, почувствовал облегчение. Он подумал: "Сяо Фэн У, этот ублюдок до сих пор не пострадал, и ему действительно нужен хороший жизненный урок".

В Шэн Де Лу каждый день разыгрывались представления, но Сяо Фэн У больше не перелезал через стены, а предпочитал платить и входить легально. Он выбрал место на первом этаже, прямо напротив сцены.

На вывеске было написано: "Пионовая беседка", автор Цинь Мин Юэ. Если вспомнить начало, то именно эта пьеса помогла Цинь Мин Юэ стать звездой, и даже сейчас не было свободных мест, а еще большее удивление вызывали бесконечные подвески и заколки, которые подбрасывали все эти богатые жены.

На сцене, играя роль Ду Ли Нян, Цинь Мин Юэ во всем своем великолепии и красоте пел песню Мечта о саде, и его голос кружился, словно во сне, погружая всех, кто его слышал, в транс, как будто они были пьяны.

По какой-то причине, чем больше Сяо Фэн У слышал, тем больше ему хотелось спать. Его веки начали сражаться, а поскольку его место было дальше, Цинь Мин Юэ не заметил его. Когда занавес опустился, Цинь Мин Юэ вернулся за кулисы и увидел, что Чэнь Сяо-е все еще находится там, нетерпеливо следуя за ним.

"Мин Юэ..."

Цинь Мин Юэ обернулся на оклик и, увидев, что это он, спокойно отвел взгляд,

"А, это Чэнь Сяо-е. Спасибо, что пришли поддержать меня, но так как за кулисами может быть очень грязно и тесно, вам лучше не заходить сюда и уберечь себя от ударов".

Как Чэнь Цзы Ци мог не заметить его холодного отказа, но, хотя у него и было желание подойти ближе, он мог только отступить, боясь навлечь на себя неприязнь другого.

Сяо Фэн У только что проснулся и, увидев, что на сцене идет новый спектакль, похлопал себя по голове, а затем направился к кулисам. Цинь Мин Юэ в это время расчесывал волосы перед зеркалом, стирая краску с лица. Увидев его таким, Сяо Фэн У достал из рукава нефритовую заколку и вставил ее в волосы, чтобы закрепить.

Заколка была простой, без особых украшений, но она была уникальна тем, что имела форму изогнутой луны.

От удивления Цинь Мин Юэ рефлекторно повернул голову, но когда увидел, что это Сяо Фэн У, его глаза подсознательно расширились:

"Почему ты здесь? Опять перепрыгнул через стену?"

Сяо Фэн У притащил табурет, чтобы сесть рядом с Цинь Мин Юэ, и отряхнул халат:

"Боюсь, мне придется оставить вас разочарованным, так как сегодня я пришел сюда через вход, заплатив. Очень жаль, но я не смог услышать и половины вашего выступления".

Цинь Мин Юэ снова повернулся к зеркалу и посмотрел на нефритовую заколку в своих волосах. Его руки поглаживали нефрит в форме луны небольшими движениями, прежде чем он небрежно спросил:

"Почему не смог?"

Сяо Фэн У вздохнул и с сонной неясностью в голосе сказал:

"Заснул. Если бы я знал, я бы просто решил перепрыгнуть через стену снова".

"Пех!" Цинь Мин Юэ разозлился и повернулся, чтобы посмотреть на него: "Зачем ты здесь, если не собираешься обращать на меня внимание. Никто еще не осмеливался спать, когда я пою!"

Сяо Фэн У рассмеялся и показал на себя:

"Я осмелился".

Затем он поднес руку Цинь Мин Юэ к губам и поцеловал ее, улыбаясь.

Он достал из рукава бутылочку и зачерпнул немного пасты, чтобы нанести ее на рану от ожога Цинь Мин Юэ, сказав при этом:

"Когда я впервые увидел это, я сразу подумал, что это тебе подойдет".

Цинь Мин Юэ ничего не сказал, а лишь молча наблюдал за ним с таким выражением лица, что трудно было понять, что он чувствует. Как раз когда Сяо Фэн У размышлял о том, не сердится ли на него другой за то, что он спит, пока он на сцене, он почувствовал внезапное тепло на лице. Он поднял глаза и тут же оказался беззащитным перед хитрыми и умными глазами Цинь Мин Юэ.

Сяо Фэн У быстро среагировал, его рот слегка наклонился вверх, а руки заключили Цинь Мин Юэ в объятия. Не было никаких изменений в его цветочном поведении плейбоя, он наклонил нежный подбородок Цинь Мин Юэ вверх и сказал:

"Довольно смело с твоей стороны. Не боишься, что тебя увидят?"

Рядом с ними все еще находился актер, который притворялся, что поправляет грим.

Цинь Мин Юэ повернул голову в сторону, бросив взгляд на всех этих любопытных. Он повернул голову обратно, чтобы спросить Сяо Фэн У, и, возможно, это было потому, что он только что пел, но его горло все еще звучало немного хрипло:

"Ты думаешь, я боюсь?"

"Воистину, ты мне нравишься все больше и больше".

Сяо Фэн У, казалось, действительно любил свою личность и держал лицо Цинь Мин Юэ, покусывая несколько раз его белое изящное ушко и шепча низким тоном:

"Когда мы будем возвращаться сегодня вечером, ты будешь бояться.....".

Глаза Цинь Мин Юэ казались росистыми, а выражение лица - уверенным, в ответ она не произнесла ни слова и только смеялась, улыбаясь ему в шею.

Только матерчатый занавес отделял заднюю часть от атриума театра, и в это время угол был откинут, и из щели было хорошо видно, как они находятся в такой интимной близости, как будто целуются. Рука Чэнь Цзы Ци крепко вцепилась в занавес и стала почти полностью белой, до такой степени, что из его костей послышался хруст. Выражение его лица выдавало порочность внутри него, и только спустя долгое время он наконец отпустил ее, с ненавистью откинул занавеску и ушел.

Летний сезон почти подошел к концу, и в центре двора был большой пруд, где уже начали распускаться цветы лотоса. Птицы время от времени падали на крошечные лепестки, создавая брызги и всплески, и даже несмотря на это, когда дверь и окно спальни были плотно закрыты, ничто не могло перекрыть легкие стоны и вздохи, доносившиеся изнутри.

Цинь Мин Юэ сидел в объятиях Сяо Фэн У, лицом к лицу. Его одежда была в беспорядке, а перламутровая кожа медленно покрывалась тонким слоем пота. Он кусал кончики пальцев, сглатывая стоны, которые вот-вот должны были вырваться из его рта, его губы были такими красными, что казалось, с них вот-вот потечет кровь.

Сяо Фэн У вытер слезы, капающие из уголков глаз, и заключил маленькое и тонкое тело Цинь Мин Юэ в свои объятия. Словно струны инструмента, он снова и снова дергал их, но, к сожалению, этот человек задыхался и плакал, но не подавал голоса.

"Шесть....Шестнадцатый Мастер.....".

Голос Цинь Мин Юэ ужасно дрожал, срывался, и при этом движении его волосы распустились и рассыпались по плечам. Темные, черные волосы лежали на его плечах, создавая картину,

которая была настолько прекрасна, что не поддавалась описанию. Кончик языка Сяо Фэн У слегка провел по адамову яблоку, после чего он перевернул их в другое положение. Не ожидая того, что произошло, глаза Цинь Мин Юэ мгновенно расширились, и он издал громкий стон.

"Ш..."

Сяо Фэн У прикрыл губы, его голос был игривым:

"Голос Цинь Лао-бана слишком громкий, не пугай соседей".

Глаза и лицо Цинь Мин Юэ не могли сдержать дрожь, его густые ресницы были настолько густыми, что вызывали зависть у любого, кто их видел. Длинными худыми ногами он обхватил Сяо Фэн У за талию, прижался к нему, притянул ближе, и, словно соблазнитель, высунул язык и лизнул ладонь Сяо Фэн У.

Сяо Фэн У отпустил его и впился в губы Цинь Мин Юэ. Пробившись сквозь барьер зубов, они плотно сплелись, издавая притягательные стоны и дразнящие звуки. Не имея больше сил, Цинь Мин Юэ делал большие задыхающиеся вдохи, лежа в объятиях другого. Его пальцы осторожно подцепили подбородок Сяо Фэн У, он высокомерно поднял брови и сказал:

"Шестнадцатый мастер, похоже, что ты только что хотел меня съесть".

Синяки и следы зубов на его плечах доказывали, что это не просто его выдумка.

Сяо Фэн У тоже не знал, почему он так себя ведет, но после его слов его длинные и худые пальцы слегка помассировали талию Цинь Мин Юэ сзади, заставив того застонать. Только после этого он лениво произнес:

"Возможно, это потому, что ты родился таким соблазнительным существом, что даже я не могу удержаться".

Затем он поднялся и, схватив верхний халат, встал с кровати. Он пошел на заднюю кухню, чтобы наполнить ванну водой, затем вернулся и поднял Цинь Мин Юэ. В шутку он бросил второго в ванну, но кто бы мог подумать, что именно он пострадает от собственной шутки, выплеснув на себя ведро воды.

Лежа на краю ванны, Цинь Мин Юэ смеялся так сильно, что весь дрожал. Но потом он увидел, как с лица Сяо Фэн У, словно вырезанного из нефрита, стекают капельки воды, такие нежные и красивые, скользят от горла вниз по одежде, и оцепенел.

Сяо Фэн У вытер воду с лица, и тут Цинь Мин Юэ пришел в себя. Он схватил руку Сяо Фэн У и, как и раньше, опустил ее в воду. Сяо Фэн У слегка хихикнул и согнулся, держась за талию другого. Он видел, как тонкие брови Цинь Мин Юэ нахмурились, потом опустились, снова

нахмурились, и он гадал, от чего это происходит - от восторга или от боли.

Сяо Фэн У улыбнулся, что-то скрывая за этим выражением:

"Почему ты до сих пор не можешь научиться заботиться о себе?"

Цинь Мин Юэ все лучше и лучше удавалось разжечь огонь в Сяо Фэн У. Он обнял его и прошептал на ухо:

Шестнадцатый господин, вы так тщательно меня съели, неужели вы не позаботитесь, не уберете за собой беспорядок, который вы устроили".

Его голос был слегка хриплым, бесформенно соблазнительным.

Цинь Мин Юэ сказал:

"Хох, ты меня так испортил. Я не смогу петь на сцене еще много дней".

"Ва-ля..."

Сяо Фэн У вытащил его из воды:

"Если ты не хочешь петь, тогда не надо. Я могу обеспечить тебя до конца жизни".

Услышав это, Цинь Мин Юэ обхватил его за шею, не желая отпускать. Он долго не отпускал его и не издавал ни звука. Сяо Фэн У мог только сидеть на краю кровати, обняв Цинь Мин Юэ, и натягивать на себя тонкое одеяло.

Спустя долгое время раздался тихий спокойный голос Цинь Мин Юэ:

"Шестнадцатый Мастер говорит правду?"

Худые и длинные пальцы Сяо Фэн У плавали вокруг тела Цинь Мин Юэ, но в них не было сексуального желания. Вместо этого они скорее успокаивали:

"Ложь. Не верь им".

В тот момент, когда его голос упал, он почувствовал резкую боль в талии. Цинь Мин Юэ поднял голову и, словно в отместку, снова ущипнул его за плечо. С любовью и доверием он прижался к Сяо Фэн У и тихо сказал:

"По правде говоря, я даже не хочу петь..... С юных лет я должен был тренироваться и разогревать горло, и если я не справлялся, то получал порку от своего хозяина. Это было так больно, что я тут же плакал, а если плакал, то не получал еды. Я мог только держать кирпич на голове, когда выполнял упражнения в позе лошади. В то время я очень хотел умереть, но в конце концов люди созданы для того, чтобы жить. В конце концов, именно благодаря этому умонастроению я смог выжить до сих пор".

Сяо Фэн У обхватил пальцами сломанный палец Цинь Мин Юэ, поднес его к губам и поцеловал. Цинь Мин Юэ поднял глаза, на его лице появилась улыбка, и он посмотрел на него:

"Разве тебя всегда не пугали и не отвращали раны. Почему ты сейчас целуешь одну из них?"

Сяо Фэн У взял его за руку, а затем несколько раз поцеловала ее:

"Я не презираю тебя и не считаю тебя ниже своего класса. Это должно тебя утешить".

Цинь Мин Юэ был немного смущен, кончики его ушей покраснели, но он не хотел убирать руку. Он прижался к Сяо Фэн У и тихо сказал:

"Шестнадцатый Мастер, я все еще готов, даже если вы скажете мне умереть прямо сейчас.....".

Сяо Фэн У похлопал его по плечу:

Это норма - жить хорошо. Если ты умрешь, то ничего не будет".

Цинь Мин Юэ толкнул его на кровать и сам лег рядом с ним:

"Это правда. Если я умру, кто будет тратить столько сил на приготовление пельменей для тебя, чтобы накормить тебя..... Завтра я приготовлю для тебя, как насчет этого?"

лениво сказал Сяо Фэн У:

"Завтра не поешь?"

Цинь Мин Юэ сказал:

"У окружного судьи завтра банкет для уважаемого гостя, и он заставил нас петь в его поместье. Я сказал, что мое горло не в лучшем состоянии, поэтому я не могу пойти, и Фан Юнь Фан займет мое место".